

Идеи и руль истории

Мы живём внутри своей цивилизации, наивно полагая, что иного мира нет и быть не может, не может быть иных ценностей и иных мотиваций.

СТР. 3

Добровольный каторжанин

Владимир Костин из Томска выпустил первую книгу после сорока. Это не помешало ему сразу же войти в короткий список премии «Большая книга». А роман «Колокол и болото» получил серьёзную прессу. Но Костин в столицу не переселяется и считает себя провинциальным писателем, добровольным каторжанином.

СТР. 4

Лекарство не для всех

Российских учёных уже давно оценили в международном научном сообществе. Все в мире знают, сколько мы «стоим». Все, кроме нас самих.

СТР. 9

Преодолевая границы

Программа «Прямой эфир» провела расследование скандальной истории Матюса Руста. Почему же изложенные в передаче разоблачительные факты не вызвали общественного резонанса?

СТР. 10

Женское лицо театра

Три героини в очередном выпуске нашей «Театральной площади» – фронтовичка, старейшая актриса МХАТа им. Горького Маргарита Юрьева, заслуженная артистка России из Кирова Елена Одинцова и легендарный завлит московского театра «Современник» Елизавета Котова.

СТР. 11

На прошлой неделе наш сайт www.lgz.ru посетили 28 893 человека. Заходите!

9170233430004 13024

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Газета основана в 1830 году при участии А.С. ПУШКИНА

Издание возобновлено в 1929 году при поддержке М. ГОРЬКОГО

Literaturnaya Gazeta

EUROPE: D – 2,20 €; A – 2,30 €; B – 2,30 €; PL – 12,90 PLZ; L – 2,30 €; CZ – 75,00 CZK; H – 720 HUF; SP – 2,50 €; I – 2,50 €; GR – 2,50 €; CYP – 2,50 €; TR – 5,00 TRY; CN – 3,50 CNY; GB – 1,80 GBP; DK – 20,00 DKK; S – 25,00 SEK; NOR – 25,00 NOK; E – 15 EGP; USA – 2,50 \$; C – 2,5 CAD

Международное издание

«СРОК ПРИДЁТ, НАЗАД ВЕРНЁМСЯ, ЧТО ОТДАЛИ – ВСЁ ВЕРНЁМ»

Памятник великому поэту Александру Твардовскому наконец откроется в Москве 22 июня. Скульптура будет стоять в начале Страстного бульвара, вблизи здания, где располагался «Новый мир», журнал, который Твардовский долгие годы возглавлял. Средства на памятник были собраны Российским фондом мира. «ЛГ» писала о необходимости установки памятника Александру Трифоновичу в столице не один раз (№ 22, 2009; № 26, 2010; № 10, 2011).

Кстати, на Страстном бульваре как месте памятника настояла наш постоянный автор поэтесса Лариса Васильева. А гениальный Сергей Конёнков хотел изваять монумент Василия Тёркина, а натурой для него намеревался сделать автора, Твардовского. Наконец, все споры и разногласия, все проволочки и заминки позади. Один из самых народных поэтов России навечно поселится рядом со своим детищем – журналом, которому он отдал 16 лет жизни, да что там – саму жизнь! В день начала Великой Отечественной войны это не только культурное событие, но и дань памяти всем ветеранам и всем погибшим, кого воспел и оплакал поэт.

Александр ТВАРДОВСКИЙ

*Когда пройдёшь путём колонн
В жару, и в дождь, и в снег,
Тогда поймёшь,
Как сладок сон,
Как радостен ночлег.*

*Когда путём войны пройдёшь,
Ещё поймёшь порой,
Как хлеб хорош
И как хорош
Глоток воды сырой.*

*Когда пройдёшь таким путём
Не день, не два, солдат,
Ещё поймёшь,
Как дорог дом,
Как отчий угол свят.*

*Когда — науку всех наук —
В бою постигнешь бой,
Ещё поймёшь,
Как дорог друг,
Как дорог каждый свой.*

*И про отвагу, долг и честь
Не будешь зря твердить.
Они в тебе,
Какой ты есть,
Каким лишь можешь быть.*

*Таким, с которым, коль дружить
И дружбы не терять,
Как говорится —
Можно жить
И можно умирать.*

Авторы памятника: скульпторы – Владимир и Данила Суровцевы, архитекторы – Виктор Пасенко и Вячеслав Иванченко

СОБЫТИЕ

Линии фронта

Состоялся учредительный съезд Общероссийского народного фронта. Съезд избрал лидером движения Владимира Путина. К названию движения съезд добавил два слова: «Народный фронт – за Россию».

По словам одного из сопредседателей, депутата Госдумы Ольги Тимофеевой, у движения уже сегодня большая армия сторонников, у которой свои лидеры в регионах. «Мы не вмести «Единой России», мы вместе со всеми и за страну. Уже сегодня в Народный фронт входят представители трёх партий: «Патриоты», «Родина» и «Единая Россия». Но как только мы начнём делиться на «красных», «зелёных» или «голубых», мы отодвинем таким образом профессиональных активных людей, которые хотели бы участвовать и предложить свои пути решения проблем».

Участники съезда приняли решение об индивидуальном участии в движении. И это также новый момент.

В комментариях, которые прозвучали из либерального лагеря, преобладали ирония и сарказм. Мол, вот создан ещё один подручный инструмент власти, но-вый вариант «Уралвагонзавода»,

который должен противостоять креативному, образованному классу. Но так ли это?

Сегодня общество нуждается в развитии гражданских начал и повышении общественной активности. При этом многие люди готовы участвовать в назревших переменах, но не готовы стать членами какой-то партии, не хотят связывать себя жёсткими идеологическими постулатами, быть заложниками групповых интересов и чьих-то личных ам-

биций. Как же им проявить себя? Народный фронт, по мысли его учредителей, и должен стать такой территорией.

Выступая перед делегатами съезда, Владимир Путин заявил, что фронт будет поддерживать гражданские инициативы и добровольчество, деловые и социальные проекты, содействовать развитию местного самоуправления и открывать дорогу новым общественным инициативам и лидерам.

Путин считает, что фронт должен стать общественным движением, для того чтобы у всех граждан была возможность «ставить свои народные задачи, добиваться их исполнения, сдвигать с места те вопросы, которые иногда тонут в бюрократическом болоте, напрямую вносить свои предложения, которые затем станут законами и государственными решениями».

Примечательно, что учредителями движения стали 480 человек, из них 115 – в возрасте от 18 до 35 лет, 229 – от 36 до 55, 136 – от 56 и старше. Среди них представители профсоюзов, промышленного производства, науки, здравоохранения, культуры. Сопредседателем ОНФ избран режиссёр Станислав Говорухин. В центральный штаб фронта вошли 55 человек, в том числе директор НИИ неотложной детской хирургии и травматологии Леонид Рошаль, космонавт Валентина Терешкова, дирижёр Валерий Гергиев, директор «Мосфильма» Карен Шахназаров, писатель, главный редактор «Литературной газеты» Юрий Поляков, публицисты Михаил Леонтьев и Валерий Фадеев... Так что шулки про опору только на «Уралвагонзавод» тут не проходят.

Владимир СУХОМИЛОВ

КНИГА НЕДЕЛИ

● Арсений Замостьянов. Гаврила Державин. Падая я, вставал в мой век... – М.: Молодая гвардия, 2013. – 445 с. – (Серия: Жизнь замечательных людей). – 5000 экз.

«Многие дороги в России – литературные, политические, воинские – ведут к Державину», – утверждает автор книги, историк и писатель, постоянный автор «ЛГ» Арсений Замостьянов. Гаврила Романович Державин (1743–1816) – фигура в истории русской литературы значительная. Но сам себя он ощущал в первую очередь государственным человеком. В разные годы Державин занимал высшие должности Российской империи: возглавлял Олонекскую и Тамбовскую губернии, был кабинет-секретарём императрицы Екатерины Великой, президентом Коммерц-коллегии, министром юстиции при императоре Александре. И при этом оставался первым поэтом империи. «Един есть Бог, един Державин» – так он писал о себе – иронически, но, по сути, правильно. Для многих из нас Державин остался в памяти лишь благодаря пушкинским строкам: уже на пороге смерти, «в гроб сходя», он «благословил будущее «солнце нашей поэзии», лицеиста Пушкина. Переключек с учителем в стихах Пушкина множество:

*Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов твёрже он и выше пирамид;
Ни выхрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полёт его не сокрушит.*

Перевод оды Горация Державиным отсылает к знаменитому пушкинскому переложению: «И долго буду тем любезен я народу...» Творчество Державина вовсе не устарело. Оно стало неожиданно актуальным в XX веке и остаётся таковым по сей день, питая многих стихотворцев живыми соками поэзии. «Времени полёт» не сокрушил исполина, но лишь прояснил его подлинный масштаб.

ЭПОХА

Самая первая!

Валентина Терешкова! Это для нас одно из имён победы, счастья, гордости. Это одно из имён России на все времена. Слишком многое совпало, пересеклось в том подвиге 16 июня 1963 года. Женственность, героизм, наука, дух открытия, дух технического прогресса, наконец, патриотизм. И поэзия, романтика, без которой не бывает полётов к звёздам.

Самая первая в мире, она шагнула в неизвестность, поднялась в космос. Первая работала на орбите! Бывших первопроходцев не бывает, это звание на все времена. Женщина в космосе – разве это не сказка наяву? С особой нежностью советские люди повторяли позывной Валентины Терешковой: «Чайка». В её честь называли кинотеатры и стадионы, а по радио зазвучала песня «Девушку Чайкой зовут...».

В последнее время выдающихся наших космонавтов если и прославляют, то всё-таки вполголоса и на втором плане. Мы расточительны и суетливы. Всё ищем «позитив», ищем почву для общественного оптимизма, но, как правило, обходимся демагогией. А как же победная космическая эпопея, многие творцы которой по-прежнему в строю? Здесь и достижения, которые не перечеркнуть, и пример успешного научно-технического рывка, объединившего народ. Для тех, кто вешает о вековой отсталости России, о безволии нашего народа, у нас открыты двери крупнейших телеканалов и газет, а космонавтов вспоминают постольку-поскольку.

Верим, что для читателей «Литературной газеты» пятидесятилетие первого в мире женского космического полёта – это настоящий праздник на нашей улице. Настоящий праздник, в котором – и радость, и смысл. 16 июня началась новая эра – в космос пришла женщина. Значение этого подвига с годами только возрастёт.

Что есть Россия в XXI веке? Кто и что нас окружает? Какое влияние оказывает на нас окружение? Куда мы идём? Над этими вопросами размышляет ведущий научный сотрудник Института восточных рукописей РАН, доктор исторических наук, писатель Вячеслав РЫБАКОВ.

— Недавно у вас вышла книга «Руль истории», в которой вы анализируете пути развития идеологии Китая с древнейших времён до наших дней, рассматривая их на фоне развития идеологий Запада... Естественно, идёте в книге речь и об их влиянии на Россию. Насколько связаны и взаимозависимы идеологии, господствующие сейчас в мире?

— Мы живём внутри своей цивилизации, наивно полагая, что иного мира нет и быть не может, не может быть иных ценностей и иных мотиваций.

Но когда смотришь на европейские, и наши в том числе, достижения с точки зрения иной культуры — они не кажутся столь бесспорными.

Различные географические ландшафты порождают принципиально различные цивилизации. Там, где нет насущной необходимости взаимодействовать с природой при помощи организованного труда многих людей, общество развивается в сторону мелкого семейного хозяйства, затем — к индивидуальности, интенсивному товарно-денежному обмену, выборности, полисной или какой-либо подобной демократии. Там, где такая необходимость есть, возникает мощный государственный сектор экономики, и следовательно — многочисленный и разветвлённый аппарат чиновников, управляемый из единого властного центра.

Цивилизации «частных дел» очень рано начинают боготворить индивидуальную самостоятельность, цивилизации «общих дел» — общественную пользу.

В Китае возникла одна из самых ранних и самых мощных цивилизаций «общих дел», когда через руки бюрократов текут огромные средства и огромные ценности. Но работоспособность экономика может сохранить лишь в том случае, если эти средства и ценности именно «текут», то есть перемещаются общественно полезным образом из одного места в другое, не застревая в руках посредников — государственных служащих.

— Боюсь, это противоречит человеческой природе...

— В том-то и дело. Чем более эффективной оказывается успешно управляемая или хотя бы удачно регулируемая правительством экономика, чем больше растут национальные благосостояние и суммарное богатство, тем больше оказывается соблазн, тяга простых, живых, полных амбиций работников аппарата к тому, чтобы начать рассматривать вверенные им по работе доли народного хозяйства как «свои»... Они начинают отщипывать от них, сколько получится, а там и вовсе пытаются легально или нелегально «приватизировать».

И чиновников можно понять: гореть на работе за постоянное жалование, не имея навару с результата... Трудное это дело. Поэтому именно в таких обществах мыслители очень рано начинают создавать учения, оправдывающие бесребренничество. А правители и государственническая духовная элита раньше или позже хватаются за такие учения и внедряют в общество культ бескорыстия и нестяжательства. Я это ясно понял именно на материале Китая.

— Что лежит в основе организации социума «общих дел»?

— Одной из ведущих идейных сил традиционного Китая истарии стало конфуцианство, в основе которого лежит идея бескорыстного государственного служения.

«Совершенный муж ест не для того, чтобы насытиться, и живёт не для

того, чтобы обрести покой...» «Совершенный муж осознаёт свой долг, тогда как мелкий человек понимает только свою выгоду». Такого рода максимы составляли, так сказать, конфуцианский моральный кодекс идеального управленца. Но они не остались голословными благопожеланиями, поскольку конфуцианская теория нашла площадку для практической тренировки, практического оттачивания всех этих, казалось бы, малореалистичных рекомендаций. Эта площадка — семья.

В семье бескорыстная взаимопомощь и коллективизм воспитываются самым естественным образом.

ти, каждому вполне при жизни. И чем больших успехов на этом пути достигает государство, тем заразительнее становится подобный пример для соседей.

— Как-то всё слишком хорошо...

— Есть одна закономерность, справедливая для любых обществ: этические максимы работают только до тех пор, пока общество не достигло пределов роста. Если оно «на подъёме», все положительные качества, которые вложены моралью и идеологией в человека, «работают» и имеют наглядный смысл, видимую результативность. Но когда по каким-то объективным причинам хоть тресни, а дела всё хуже и хуже, любовью, даже самый честный чиновник раньше или позже махнёт рукой на долг и начнёт заботиться лишь о себе или, в самом лучшем случае, о своей маленькой семье.

Никакая идеология и никакая религия не способны изменить человеческую природу. Ставить судьбу бу-

важное — это движение поддаётся сознательному конструированию. Можно предложить концепцию светлого будущего, и тогда уже ради его построения начнут проявляться все лучшие человеческие качества.

— Сработало?

— Все европейские модели светлого будущего естественным образом оказались пропитаны идеями, высказанными ещё на заре Нового времени в утопиях. А утопии эти — классическое приглашение перемахнуть через пропасть в два прыжка. Работать европейская утопия может только под началом новых управленцев, руководствующихся принципиально новыми системами мотиваций. Но сами-то эти управленцы могут быть воспитаны только в уже построенной и благополучно работающей утопии.

В конфуцианстве идеальный управленец вырастал из обычного человека старого мира. И потому после каждого упадка или даже распада

События в Турции — ещё один эпизод «глобального продвижения демократии»

МИР-ТАСС

лучшего в зависимости от успешной перестройки человека — значит, самому лишать себя будущего.

— А каковы идеологические основы развития Запада?

— Что такое Римская империя времени упадка? Никакого представления о росте, кроме территориального, римская культура не выработала. И все знаменитые римские добродетели работали, только пока могла продолжаться военная и культурная экспансия. Военные силы Рима и его окружение сравнивались — пришёл конец римским достоинствам и добродетелям. Невероятный произвол императоров, фантастических размеров коррупция, обалделый от бессмысленности народ, способный требовать только хлеба и зрелищ... Напрягаться-то всё равно не для чего.

Тут подоспело христианство, показавшее, что перспектива есть не только здесь, на земле, но и в мире ином. Не ради завоеваний, но ради рая надо быть честными, верными, храбрыми. Эта новая перспектива создала европейскую цивилизацию — вот-вот будет построена, только дайте сперва разбомбить поголовно всех, кому это не нравится.

Но когда функцию рая в системе общих ценностей выполняет благополучная семья, сытые бодрые старики и здоровые любящие работающие дети, ничего не надо выдумывать, остаётся только строить и строить этот совершенно реальный коммунизм, доступный, в сущнос-

Китай раз за разом отстраивал свою вполне достижимую утопию, которая умиротворяла страну и с поправками на представления эпохи давала народу то, что можно было считать пусть относительным, но благосостоянием. А на Западе начиная от Средневековья и по XX век все попытки реализовать какую-либо из европейских моделей светлого будущего, в том числе и на российский почве, всегда требовали перестройки человека. И поэтому были сопряжены с чудовищным насилием. И давали результаты, прямо противоположные желаемым.

Многочисленные обжёгши на идеологиях и попытках реализации утопий, европейская цивилизация теперь старательно, что называется, дует на воду. А именно: не должно быть вообще никаких общих смыслов, от них только тоталитаризм и никакая пользы. А ещё плавное перетекание католического рационализма в протестантское «посюсторонний достаток есть свидетельство Божьей любви» породило идею, что основным смыслом, главной целью всех усилий человека стал личный прижизненный успех.

И потому современная западная цивилизация сейчас не предлагает сколь-нибудь привлекательного образа общего будущего. Количественное накопление благ, увеличение потребления, плюс стволовые клетки и переименование папы и мамы в родителя А и родителя Б — вот и вся перспектива.

У крупных геополитических игроков, обречённых на масштабное вмешательство государства в экономику, при таком идейном раскладе управленческий аппарат становится неэффективным. Ему нужна какая-то идейная компенсация служебного бескорыстия. Идеологии могут быть разными, но только они способны обеспечить приток в управленческий аппарат хоть минимально необходимого количества чиновников, которые будут работать не только для себя. Пусть даже в моменты переосмысления идеологии кажутся оправданием тирании.

— Напрашивается вопрос: перенесение бесплодного западного опыта и мёртвой либеральной идеологии на нашу почву — это заражение трупным ядом?

— Ну, я бы воздержался от столь ярких, эмоциональных, но ничего не объясняющих метафор. Мы же не ругаемся, а понять пытаемся, правда?

В силу своей цивилизационной самостоятельности православная Россия для любого из соседних цивилизационных миров — и для европейского, и для азиатского — никогда не была равноправным партнёром или конкурентом. В отличие, например, от постоянно враждовавших, но всё равно считавших друг друга равными Англии и Франции, Франции и Германии. Россия, территория варваров-схизматиков, рассматривалась Европой лишь как некий склад стройматериалов и запчастей. Ну и громадный загон, где коротают свой век рабы. А если эти рабы, когда к ним пришли что-то взять со склада, в ответ не благодарили, а сопротивлялись, тем паче — ещё и успешно отбивались с победой, это было для европейцев... Ну, как если бы мир вывернулся наизнанку.

Борьба шла с переменным успехом. Огромные куски земли оказывались вместе со всем своим населением то окранными Руси, Москвитии или России, то снова отходили к тому или иному центру европейской или азиатской силы.

Циклы русской истории — это неоднократно повторявшаяся двухтактная схема «насиленное раздирание — насильственное собрание».

На того правителя, который какой угодно ценой собирал народ в границах одной страны, всегда готовы были на Руси молиться, и прошалось ему за этот великий подвиг многое. Но добиться такого результата можно было только предельной мобилизацией всех ресурсов и сил до последней жилочки. А такая мобилизация не могла быть проведена иначе как через громадную, целиком ответственную за триумф или крах и потому — безжалостную и надменную бюрократию.

— Что же получается, народ своей волей сажал себе на шею гипертрофированное государство...

— ...которому выдавал, сам того не сознавая, карт-бланш на внешнее и внутреннее насилие. Во имя защиты страны и сохранения её единства государству можно всё. И отсюда выросла традиция: любой ценой! Нужна победа — мы за ценой не постоим! Макиавелли ведь тоже в своё время писал: «...Когда на весы положено спасение родины, его не перевесит никакие соображения справедливости или несправедливости, милосердия или жестокости... О совести мы не можем вспоминать, ведь кому, как нам, угрожает голод и заточение, тот не может и не должен бояться ада».

Так что идея насчёт «любимой ценой» — отнюдь не Сталиным придумана. Просто у итальянских герцогов, для которых Макиавелли творил, не получилось, а у России, Макиавелли не читавшей, раз за разом до последнего времени получалось.

Но когда у нас возобладала идеология личного успеха, это в первую очередь привело к тому, что высшая бюрократия избавилась от чувства долга перед страной и народом, стала

рассматривать страну и народ лишь как средство опять-таки любой ценой добиться личного успеха в более комфортном западном мире. И страна была пущена на поток и разграбление.

Фетиш личного успеха теперь трансплантирован и всем нам. В традиционно государственную экономику и традиционно общинное сознание. И как всегда после неудачной трансплантации, старые наши болезни не отступают, а разгораются с новой силой. Потому что все силы организации начинают уходить на борьбу с чужеродной тканью, а на борьбу с болезнью, из-за которой и была предпринята трансплантация, сил уже не остаётся.

Но из этого отнюдь не следует, что западный опыт бесплоден, а либеральная идеология мертва. Опыт ещё как ценен для понимания происходящего. А идеология ещё как жива... — Но ведь сегодня на Западе не всё гладко и благополучно?

— Как мне кажется, они уже сами не рады нынешнему положению дел, но у них нет понятного аппарата, чтобы отразить сложившуюся ситуацию.

И вот уже испанская инфанта замешана в коррупционных делах, министр нового французского правительства, автор налогов на роскошь, туда же... То и дело кончают с собой люди, которых выгоняют из их домов за неуплату... Нынешнее либеральное Западу буквально ошеломляет. Все прекрасные идеи и слова, за которые на самом же Западе люди когда-то шли на баррикады, умирали в тюрьмах, ныне сделались просто ритуальным похвакиванием, которым приличествует сопровождать каждое хватательное движение.

Либеральная цивилизация от жадности денег сошла с ума. В угоду нынешней идеологии людям навязываются уже такие свободы, от которых нормальный человек шалает и не знает, куда деваться. Западный мир, решив, что после распада СССР ему нет альтернативы, разрушает сам себя, безо всяких русских танков.

Честно говоря, даже обидно и горько. Мы же его так любили...

— Американцы сегодня воспевают свои заслуги по глобальному продвижению демократии...

— Эта выдумка может со стороны выглядеть сколь угодно нелепой, но лишь она в условиях колоссальных военных усилий и трат позволяет их чиновникам иметь хоть какой-то смысл деятельности, помимо набиения личных кошельков из казённого бюджета. Отказывая всем остальным в праве иметь общие цели, потому что от них, мол, только реки крови, для себя они такую цель сформулировали и вдалбливают вовсю. И совершенно реальные реки крови им ничипёт. Если они обратят на них внимание и начнут, подобно нам во времена Горбачёва и Ельцина, каяться напропалую — их государственный аппарат пойдёт вразнос. Но в эту игру нельзя играть до бесконечности, слишком она кровава. А как только будет достигнут предел роста... Мало не покажется.

— Как же преодолеть силу разрушительных для нас идей?

— Идею можно победить только другой идеей. Идею личного обогащения нельзя победить законом, коррупцию можно победить только великой целью, по сравнению с которой померкнет цель личной наживы. Либо мы эту новую цель выстрадаем — либо исчезнем.

Всё на свете, и в первую очередь — будущее, создаётся не теми, кто против, а теми, кто за... Хлеб растёт те, кто ЗА урожай. Битву выигрывают те, кто ЗА победу. В космос летят те, кто ЗА полёт. Открытия делают те, кто ЗА знания. Великие книги пишут те, кто ЗА людей. Страну возрождают те, кто ЗА страну.

Беседы вёл Владимир КРотов

КНИЖНЫЙ РЯД

Лабутина Т.Л.
Англичане в допетровской России. — СПб.: Алетей, 2013. — 272 с. — 1000 экз.

История фразы «Англичанка гадит!» туманна, как и сам Альбион. В России XIX в. она была уже широко известна. С авторством, правда, проблемы. Одни находят подобное в стихах Некрасова, прозе Салтыкова-Шchedрина, другие ближе — в агитках Демьяна Бедного.

Так «гадила» или нет?

Доктор исторических наук, ведущий специалист Института всеобщей истории РАН Татьяна Лабутина уже не первую свою книгу посвящает английской истории. На сей раз автором взят период XVI–XVII вв., то есть период становления связей между Англией и Россией. Первые русские послы князь Засекин-Ярославский и дьяк Тимофеев прибыли в Англию в 1524 г. северным путём, обогнув Норвегию. Визит не имел последствий. Более успешной оказалась экспедиция Ричарда Ченслера, который после всех приключений в августе 1553 г. высадился в устье Северной Двины. Англичанин

добрался до Москвы, был принят Иваном Грозным. Для развития торговли между странами была учреждена знаменитая Московская компания. Англичанам было что предложить русским, сами же они интересовались матчевым лесом, пенкой, дёгтем, смолой, то есть всем необходимым для флота. Вскоре в Московии потянулись английские умельцы — налаживать в городах ремесло, да и прилично заработать.

Царь тогда искал надёжные пути на Запад, был озабочен упрочнением западных границ. Англия больше искала коммерческой выгоды — там смотрели на Русь как на новый рынок, а также искали возможности через Московское государство продвигаться дальше на Восток.

В отношениях королевы и царя имеются любопытные сюжеты, которые Татьяна Лабутина проясняет, обращаясь к документам. В письме (1567 г.) к королеве Елизавете Иван Грозный предложил установить тесные отношения: «...чтобы её величество было другом его друзей и врагом его врагов». Царь обещал королеве аналогичную поддержку. Речь шла о возможности укрыться, если в государстве начнётся смута. На подобное «укрытие» могла рассчитывать и королева. Из дошедших свидетельств видно, что Грозный помышлял об отплытии в Англию после набега крымского ха-

на Гирея в 1571 г., когда Москва выгорела дотла. Кстати, о «политическом убежище» в Англию хлопотал позже Борис Годунов — «паскатель англичан». Вряд ли Ивану Грозному в Англии нашлось бы место. Николаю II уже в XX в., как известно, в убежище было отказано, ибо английским политикам живой он, пусть и отрешённый от престола, был не нужен. Но желающих укрыться в Англии в нашей стране достаточно и поныне.

Ещё один сюжет из взаимоотношений с Англией — попытки царя породниться с королевской семьёй. Утверждения о том, что царь хотел жениться на самой королеве, Лабутина считает вымыслом. Но то, что Грозный добивался брака с племянницей королевы Елизаветы Мэри Гастингс, — установленный факт. В 1582 г. особое посольство московского дворянина Писемского вело переговоры на предмет заключения этого брака. К тому времени Иван Грозный был женат в седьмой раз, о чём в Лондоне, конечно, знали. Писемский вернулся с портретом Мэри. Однако в браке было отказано, так как «предложенная девица впала в растрепанное здоровье». Московская знать была обеспокоена «английскими играми» царя. Опасались за православную веру. Неожиданная смерть Ивана Грозного поставила точку в этом сватовстве. Историки не исключают, что не обошлось без заговора, что было на руку англичанам.

А

Пришли по-английски

В царствование Бориса Годунова Англия стремилась расширить торговлю. Сам Годунов, покровительствуя англичанам, занялся поисками жениха для своей дочери Ксении. В Англии таковых не оказалось, нашли датского принца — но тот неожиданно скончался уже в Москве, свадьба не состоялась. Вновь англичане могли быть довольны: Россия в Европу не прорвалась. Прокравшийся на престол Лжедмитрий I сразу же продлил привилегии для Московской компании.

Англия, ставшая со временем главной колониальной державой в мире, не могла пройти мимо русских территорий. В период Смуты замысли колонизировать Русский Север приобретали реальность. Советчиков, как завоевать Россию, у английского короля Якова I хватало. Автор, ссылаясь на документы, приводит убедительные данные. В мае 1613 г. король направил делегацию на переговоры с русскими. Надеялись, что «ослабленные Смутой русские люди, желая добиться мира и спокойствия в стране, не окажут сопротивления интервентам». Кроме английского протектора предполагалось и обращение населения в протестантскую веру. Однако план этот был похоронен. Англичанам пришлось поздравлять нового русского царя Михаила Романова.

Были случаи, когда Россия проявляла характер. Так, была осуждена английская революция. Английским купцам пришлось туго, когда был казнён Карл I. Царским указом они выслались из Москвы, разрешалось приезжать только в Архангельск. Позже это решение было отменено, но россий-

ские власти всех ограничений не сняли. Русские купцы постоянно жаловались властям на засилье иноземных торговцев.

Интересен раздел о культурном влиянии англичан. Несмотря на перепады в отношениях, российскую знать манили британские блага и комфорт. Века минули, а тяга к заморской жизни у наших богатеев осталась.

Обширные сведения о России, русских, нравах и быте простых людей и знати оставил английский дипломат Флетчер (1591 г.). Правда, с особым упором на распутство, пьянство, лень, раболепство. Как будто в Англии или ещё где тогда подобно не было. Но тот же Флетчер пишет, что русскому народу просто не дают развиваться свои способности, чтобы «держат их в том рабском состоянии, в каком они теперь находятся». Кстати, о пьянстве. У Флетчера: «Напиваться допьяна каждый день в неделю у них дело весьма обыкновенное». Но что же пили? Главный напиток — мёд, у людей попроще — квас. Непросто напиться допьяна таким образом...

Увы, именно англичане, заключает автор, сформировали тот самый стереотип о России как «варварской стране», о русских — как «варварском народе», который во многом сохранился на протяжении последующих столетий. Согласимся с автором, что трезвый взгляд на отношения с Англией в прошлые века позволяет здраво оценивать и современную политику Запада в отношении нашей страны.

БОРИС ПЕТЕЛИН